

КРИС МАКДЖОРДЖ

**УГАДАЙ
КТО**

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 15

Chris McGeorge
GUESS WHO
Copyright © Chris McGeorge 2018
All rights reserved
First published in 2018 by Orion, a division of The Orion Publishing
Group Ltd., London.

Перевод с английского Виктории Яковлевой

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-15254-0

© В. Г. Яковлева, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

К моему возвращению в школе уже совсем тихо. Когда я где-нибудь забываю вещи, мама называет меня безголовой тухой, но никогда не объясняет, что это значит, — у нее вечно нет времени. Выходит, я снова оказался безголовой тухой. Я понял это, как только заглянул в портфель по пути домой, — ну конечно, оставил тетрадку в кабинете математики. А в тетрадке — домашнее задание. Очень не хочется подводить мистера Джеффериса, вот почему я снова здесь. Миную площадку перед школой, проskalзьываю через парадный вход. С наступлением темноты, когда все ушли, в школе страшиновато, даже мурашки бегут по спине. Днем здесь полно народу, шум и гам, но сейчас в пустых коридорах тихо, и мои шаги звучат так, словно топает стадо слонов, это все из-за эха, которое скачет от стены к стене, от потолка к полу. Сейчас здесь никого нет, только человек в зеленом комбинезоне орудует странной машиной для мытья полов. Видок у него еще тот, — кажется, несчастней нет человека на свете. Папа говорит, если я не буду хорошо учиться, меня ждет такая же участь. Мне жалко этого человечка, но я тут же спохватываюсь, ведь жалеть людей нехорошо, жалость унижает.

Я прибавляю шаг, подхожу к кабинету математики. Дверь полуоткрыта. Мама всегда учила меня быть деликатным, поэтому я на всякий случай стучу. Открываясь, дверь пищит тоненьким, как у мышки, голоском. Его я вижу не сразу. Наткнувшись на груды разбросанных по полу бумаг и учебников, дверь застревает. Одну тетрадь я узнаю и, нагнувшись, поднимаю. Моя тетрадочка. Мистер Джефферис их у нас собрал в конце урока.

Тут до меня доходит, что в классе творится что-то недоброе. Я поднимаю взгляд и вижу мистера Джеффериса, учителя

математики, моего учителя математики. Моего друга. Он висит посередине кабинета на ремне, стягивающем шею. Неестественно-бледный, огромные глаза выпучены, лицо похоже на карикатуру.

Но нет, это не карикатура. Он настоящий. Хотя далеко не сразу до меня доходит, что висит передо мной, не сразу удается понять: это не чья-нибудь отвратительная шутка.

Я гляжу и гляжу, а он все висит.

Мистер Джефферис. Мертвый.

И тут я начинаю орать благим матом.

1

Двадцать пять лет спустя...

Резкий, пульсирующий звук, казалось, поселился в голове и ввинчивался в мозг. Но стоило только на нем сосредоточиться, звук разделился, часть его куда-то уплыла и превратилась в звон. Одна часть — в голове, другая — где-то там, в другом месте. В общем, не здесь.

Дзынь, дзынь, дзынь.

Дзынь, дзынь, дзынь.

Звон был настоящий, и звенело совсем рядом.

Открыть глаза. Все вокруг плывет, темнота. Что происходит? Слышно чье-то тяжелое дыхание — понадобилась долгая секунда, чтобы понять: дышит он сам. Все чувства мерцают, как лампы в больничном коридоре. А потом — да-да, теперь он ощущает, как вздымается и опускается грудь, ощущает поток воздуха, рвущийся сквозь ноздри. И воздуха не хватает. Он попытался вдохнуть глубже и понял, что во рту у него совершенно сухо, — язык ворочается словно в темнице, стены которой оклеены наждачной бумагой.

Тишина... Впрочем, нет, где-то рядом все еще звенит: дзынь, дзынь, дзынь. Он успел привыкнуть к этому звону. Телефон. Попробовал пошевелить руками, но не смог. Обе руки где-то над головой, задраны вверх и тихонько дрожат, а в ладонях покалывает. Запястья схвачены чем-

то твердым и прохладным. Металл? Да, похоже на то. Вокруг запястий железные обручи... наручники? Он попытался пошевелить онемевшими руками, чтобы понять, к чему прикован. Вертикальная перекладина у него за спиной. И он прикован к ней наручниками?

Он попытался изогнуться и выяснить, так ли это, но руки едва не выскочили из плечевых суставов; локти дрожали. Значит, он сидит спиной к этой штуковине, как ее там... Но сидит на чем-то мягком, и сейчас ему неудобно, скорее всего, потому, что он немного сполз вниз. Полу-сидит, полулежит... дурацкая поза.

Он подобрался, уперся ногами и подтянулся повыше. Стопа скользнула — туфли, ну да, на ногах туфли, а он совсем о них забыл, — но усилия хватило. Зад сдвинулся на прежнее место, и рукам полегчало. Боль, на которой концентрировалось все внимание, ушла, и размытые пятна вокруг обрели резкость.

Сначала проступили предметы слева — они были ближе всего. Он увидел столик, что стоял между белой стенкой и кроватью, на которой он сидел. На столике — черный цилиндрический предмет, на торце красные цифры. Похоже, часы. Бросилось в глаза: 03:00:00. Три часа? Нет, нет, освещенные светом стоящей рядом лампы, цифры оставались неизменными.

Смотреть на свет было больно, и он понял, что в комнате довольно темно. Он отвернулся к белой стене и усиленно заморгал, пытаясь избавиться от световых пятен перед глазами. На стене висела картина в рамке. На ней изображалось пшеничное поле, а за ним вдалеке фермерский дом. Но не это привлекло его внимание. Дом охватило пламя, красные языки лизали синее небо. А на переднем плане — аляповатое улыбающееся пугало. И чем дольше он на него смотрел, тем шире, казалось, разъезжалась гнусная улыбка.

Он отвернулся, не понимая, почему так беспокоит его эта картина. Теперь прямо перед собой он видел собственные ноги в черных штанах, вытянувшиеся вдоль большой кровати, и ступни в черных туфлях. Пока он возился на скомканных простынях, толстое пуховое одеяло соскользнуло на пол. Вокруг в беспорядке валялись разнокалиберные пестрые подушки.

Обстановка, знакомая любому человеку. Письменный стол, небольшой плоский экран телевизора, чайник, чашка, заполненная пакетиками с чаем и кофе, стоящее в открытом виде меню в кожаной обложке. Наконец он заметил и телефон — слишком далеко от него. Он слегка повернул голову и увидел впереди слева встроенный шкаф. А справа — окно, закрытое шторами, сквозь которые сочился тусклый дневной свет.

Ну да, конечно. Он в гостинице. И прикован наручниками к кровати.

Какой ужас.

Вновь раздалась три резких звонка и острыми жалами впились ему в мозг. Дзынь, дзынь, дзынь.

Какой ужас.

Давно ли он здесь сидит и слушает этот трезвон? Вечность? Несколько минут? И вдруг раздался еще один звук, совсем другой. Он услышал голос. Женский. Несколько смахивающий на голос робота.

— Здравствуйте, мистер Шепард. Добро пожаловать в широко известную гостиницу «Грейт-отель». Вот уже более шестидесяти лет мы славимся исключительной гостеприимностью и широким набором уникальных услуг, предоставляемых клиентам в наших роскошных апартаментах. Чтобы получить информацию о доставке в номер еды и напитков, пожалуйста, нажмите кнопку с цифрой «один»; чтобы узнать о наших совсем недавно отремонтированных спортивном зале и спа, нажмите кнопку с цифрой «два»; о прочих услугах, таких, например, как ранняя побудка, вам расскажут, если нажмете на кнопку с цифрой «три»...

Мистер Шепард? Что ж, по крайней мере, он выяснил свое имя. А им откуда оно известно? Опять, что ли, это с ним?

— ...информацию о выступлениях артистов в помещении нашего бара, пожалуйста, нажмите кнопку с цифрой «четыре»...

Он что, перебрал? За двадцать лет пьянок и прочих злоупотреблений он привык к мысли, что слово «переврать» — это не про него. Прежде, правда, бывало...

М-да, серьезно он отключился накануне, если не помнит, почему очнулся в совершенно незнакомом месте. Ушел в штопор в состоянии диссоциативной фуги, куда сам себя и загнал.

— ...информацию о местных событиях, например о заказах билетов на различные представления и зрелища, информацию о работе транспорта, нажмите кнопку с цифрой «пять»...

Но он-то знает, что обычно происходит с похмельюги. Нет, сейчас — все совсем по-другому.

Потому что...

Он все-таки в другом месте. А где был раньше? До того. Что произошло перед отключкой, что он помнит? Сейчас он в номере гостиницы, а тогда... где-то на краю сознания возникла танцующая фигура.

Женская.

Он глотнул пересохшим горлом и провел языком по зубам.

Странный на зубах привкус, неприятный, гнилостный — привкус вина и какой-то химии.

— ...для досрочного освобождения номера нажмите кнопку с цифрой «шесть», и если хотите прослушать эту информацию еще раз — нажмите кнопку с цифрой «семь».

Нет, что-то не так. Как он здесь оказался?

А телефон... голос в телефоне замолчал. Отвратительный голос — непонятно почему. Интересно, она может его услышать? Да нет, это же робот, просто робот. Но связь-то, возможно, еще не прервана. Может, попробовать?

— Если хотите прослушать эту информацию еще раз, нажмите кнопку с цифрой «семь».

Он снова попробовал пошевелить руками, хоть немного стряхнуть онемение. Принялся быстро сжимать и разжимать пальцы. Когда они стали вполне повиноваться, он собрался с духом и резко двинул запястья вдоль пере-

кладины. Наручники звякнули. Звякнули громко, хотя и не так чтобы очень. «Ты тратишь попусту время. Это робот».

— Если хотите прослушать эту информацию еще раз, нажмите кнопку с цифрой «семь».

С трудом, будто годами не раскрывал рта, он разлепил губы. Попробовал заговорить, но не знал, что сказать. Изо рта вырвалось лишь хрипкое мычание.

— Если хотите прослушать эту информацию еще раз, нажмите кнопку с цифрой «семь».

Молчание.

Он открыл рот. Прохрипел нечто, отдаленно напоминающее «Помогите». «Это просто робот». Наверно, недостаточно громко.

И вдруг робот из телефона засмеялся. Ага, значит, не робот.

— Ладно, мистер Шеппард, не хотите говорить, как хотите. Однако совсем скоро говорить вам придется. Очень интересно, что вы будете делать дальше.

Что? Не успел он придумать ответ, как раздался ужасный звук. Звук отключенной связи. Женщина испарилась.

Он попытался успокоиться, сердце колотилось в груди. Нет, не может быть, разве такое бывает? Возможно, и не бывает. Возможно, это дурной сон или очередной кошмар наркотического бреда. В последнее время он оттягивался довольно круто. Хотя вряд ли. Слишком уж все реально.

Но кто-нибудь обязательно сюда придет. Должен прийти. Ведь персонал знает, что он в номере, это очевидно, значит вся гостиница тоже знает, что он остановился здесь. Не мог же он сам себя приковать наручниками к кровати, следовательно...

«Очень интересно, что вы будете делать дальше».

В чем смысл этого звонка? С телефонами все просто — можешь прикинуться кем угодно, и никто тебя не разгадает.

Зачем звонила эта женщина, то ли робот, то ли нет? До телефона ему не дотянуться. Выходит, эта женщина одна из тех, да-да, из тех самых, кто приковал его наручниками к кровати. Из тех, кто играет с ним дурную шутку. И если она не из персонала, не исключено, что никто не придет. Впрочем, нет. Это как-никак гостиница. Конечно же, кто-нибудь да придет. Когда-нибудь.

Он закрыл глаза. Попытался успокоить дыхание, чтобы услышать, что происходит за дверью номера. Мало ли, какой-нибудь шум, грохот падающего чемодана. Нет, ничего. Полная тишина.

Впрочем, не совсем.

Он почувствовал это раньше, чем услышал. Сначала будто некое покалывание в шее. А потом едва слышный звук, чье-то дыхание. Он здесь не один.

З

Он понял, что слышал дыхание и раньше, но звучание его было столь естественным, что просто не замечалось. Но стоило задержать собственное дыхание, звук стал отчетливей. Кто-то здесь дышит. Едва слышно, словно не человек, а призрак. Но он дышит. Тихонько и неглубоко, но дышит.

Чем напряженнее он прислушивался, тем отчетливее доносилось дыхание. Причем отовсюду, со всех сторон. Здесь дышит не один человек. Но сколько? Кто ж его знает? Одно ясно: в этой комнате он не один, с ним люди.

Он понимал, что сейчас надо открыть глаза, но веки никак не поднимались. Мозг лихорадочно работал, пытался слепить из осколков цельную картину, пытался, хотя и безуспешно, осмыслить происходящее. Может быть, это такой типа пиар-ход? Его агент предостерегал от подобных вещей — желтая пресса гоняется за любым скандалом и, кстати, хорошо платит. А что может быть круче, скандальнее, чем оргия в гостиничном номере? Хотя не похоже. Неужели его в самом деле похитили, приковали наручниками к кровати только для того, чтобы напечатать об этом в газете? Вряд ли, это не их стиль. А кроме того, он ведь в одежде. Какая же, к черту, оргия?

Каким бы жалким ни было его положение, он едва не рассмеялся. Ну вот, не хватало только сойти с ума. Добавить шизу к длинному списку проблем, ждущих решения.

Но сначала... и он резко раскрыл глаза. Перед его взором — все тот же гостиничный номер. Все так же слышно дыхание. Надо что-то сделать, чтобы хоть кого-то увидеть. Он выгнул запястья насколько возможно влево. Холодная как лед сталь впиалась в кожу, но он попытался не обращать на боль внимания. Тело тоже изогнулось влево, он наклонил голову, чтобы заглянуть за край кровати. Он думал — или надеялся? — что увидит ковер, и больше ничего. И не сразу понял, что перед ним лежит. Пока до него не дошло, что это чья-то спина. Да, спина человека в сером костюме, лежащего на ковре лицом вниз. Он торопливо подтянулся на запястьях и откинулся назад на середину кровати.

Там человек. Живой. Лежит лицом к полу. Снова в комнате тишина, слышно только дыхание. Впрочем, нет, слышалось что-то еще. Ритмичный звук, словно мышь грызет картонку.

Он сделал усилие и заглянул за правый край кровати, опять повиснув на наручниках. Никого нет. Только бледно-фиолетовый ковер. Но, оглядывая кусочек пола, он что-то заметил. Маленький желтый хвостик, уходящий под кровать. Для веревки слишком тоненький. И вдруг хвостик зашевелился. Волосы. Чьи-то волосы.

Он вернулся на середину кровати. Волосы? Боже мой! Он смотрел перед собой в черное зеркало телевизора. И не видел в нем ничего, даже себя. И был рад этому. Не хотелось узреть себя в столь жалком виде. Чернота успокоила его, чернота — это ничто. Вот так он и будет смотреть в телевизор, пока кто-нибудь не придет и не спасет его. Он отказывается принимать этот бред.

И все же взгляд его сам собой устремился мимо блестящих ботинок к краю кровати: оттуда что-то высунулось. Кажется, палец. Потом еще два. А потом и вся рука, сжимающая пуховое одеяло.

Душа его ушла в пятки. Что-то зашаркало со всех сторон, заерзало, звуки становились все громче, дыхание тоже. И теперь...

Они пробуждались.

4

И вдруг — чье-то лицо. На другом конце кровати. Блондинка. Девушка лет двадцати, может, больше. Такая же, как и он, растерянная и бледная, в глазах страх. Сначала-то она оглядывалась, головка покачивалась на тонкой шее, а как увидела его, изумилась и быстро нырнула обратно под кровать.

— Привет, — проямлил он.

Хриплый голос его надломился, дал петуха, и приветствие прозвучало скорее как угроза. Он попробовал еще раз.

— Привет!

На этот раз получилось чуть лучше.

Девушка снова возникла из-под кровати, правда, теперь он видел одни только глаза. Взгляд метнулся к наручникам. Замешательство в глазах усилилось. Но, с другой стороны, он ведь прикован и не сдвинется с места; возможно, именно поэтому она снова высунула голову.

— Что... Что тут происходит? Где я? — Голос ее был тих и испуган. — Что вы со мной сделали?

Он ошарашенно посмотрел на нее:

— Да я сам недавно очнулся здесь, как и ты.

В подкрепление слов он звякнул наручниками. Кажется, помогло. В ее глазах мелькнуло понимание. Мгнове-

ние они не отрываясь смотрели друг на друга, словно делились страхом.

На полу послышалось шевеление, и девушка опустила взгляд. Он ничего не видел, но девушка вдруг вскочила и отпрыгнула в сторону. Бедром стукнулась о письменный стол, и меню услуг по обслуживанию номера повалилось. Она коротко взвизгнула.

Теперь он разглядел ее внимательнее. Джинсы. Бледно-желтая рубаха с кашпоном. Обычная девчонка, ничего особенного. Рассматривая ее, он заметил с левой стороны груди... что это? Похоже на этикетку.

— Тут люди, — сказала она, тяжело дыша. — Тут еще какие-то люди.

— Знаю, — отозвался он.

Говорить, кажется, стало легче; это как с машиной: крутанешь ручку — и мотор заработает.

— Сколько их? — спросил он.

— Я не... не знаю...

— Мне надо знать сколько.

Зачем? Почему это для него так важно? Возможно, потому, что чем больше людей, тем хуже ситуация.

Она услышала его голос — его обычный повседневный голос, — и у нее в глазах мелькнуло узнавание. Она ошарашенно смотрела на него. Впрочем, он чуть ли не каждый день видел такой взгляд.

— Погодите, — сказала она. — А вы кто... Вы, случайно, не...

Она хотела сказать: «Вы, случайно, не Шеппард?» Но это только все усложнит, а время сейчас дорого. Он всегда существовал на грани — с первого взгляда узнать его было непросто, но со второго — наверняка.

— Так вы...

— Да, да.

В обычной ситуации этот обмен репликами ему бы очень понравился.

— Так сколько там их?
— Господи... Тут их четверо. Девочка. Двое мужчин. И женщина. Не знаю, живые или...

— Дышат?

— Кажется, да. И шевелятся — женщина и девочка точно шевелятся. Остальных не хочу проверять.

— Нет-нет, иди к двери, все в порядке.

Он то и дело терял девушку из вида — ее шатало. Истерика — враг движения вперед. Он глубоко вздохнул.

— Ты просто выйди отсюда. Пойди и найди кого-нибудь... нам нужна помощь. Тебе надо пойти и найти, кто может помочь, поняла?

— Что это? — проговорила она, а взгляд ее метался по полу.

Слава богу, он не видел, что там такое.

— Не знаю... но прошу тебя — иди к двери, слышишь?

Он почти умолял ее. Господи, как он дошел до жизни такой?

«Очень интересно, что вы будете делать дальше».

Девушка встряхнулась, на пол уже не смотрела. Пропшла в сторону ниши, где должна быть дверь, скрылась из вида. Похоже, увидела дверь. Он оказался прав: дверь именно там. Конечно. Пока шла, девушка два раза резко вильнула в сторону. Обходила лежащих. Он их, конечно, не видел, но догадался. Потом зашла в нишу и пропала из поля зрения.

Опираясь на ручки, он подался вперед и, как мог, повернул голову, но так ничего и не увидел. Зато услышал, как она пытается открыть дверь, дергает ручку. Поворачивает то вверх, то вниз. Но — ни звука, говорящего о том, что дверь открывается. Почему?

— Наверное, электронный замок, — услышал он голос. — Тут красная лампочка горит. Никак...

Новый звук. Скрип, еще раз. Она пробует открыть замок, на этот раз обычный, не электронный.

— Не открывается. Заперто.

Почему?

— Ты видишь там электронный замок? Типа щели в стене, чтобы ключ-карту вставлять?

— Нет, тут нет ничего. Тут...

— Посмотри в глазок на двери, — сказал он, — может, кто-то пройдет мимо. Должен же быть...

«Хоть кто-то. Все равно кто».

Удар. Потом ее голос.

— Вижу коридор.

Серия ударов. Она колотит в дверь. Бам, бам, бам. Продолжает стучать, все громче, — кажется, будто она хочет пробить в ней дырку.

— Эй! Кто-нибудь! Нас здесь закрыли! Мы не можем выйти!

За грохотом ударов он услышал и почувствовал кое-что еще. Кто-то был совсем рядом. И что-то бормотал. Словно нашептывал ему в правое ухо. Он повернулся и встретился взглядом со старухой, чью голову увенчивала копна длинных черных волос. Секунду они смотрели друг на друга, и вдруг она заорала пронзительно, и он пожалел о том, что не может заткнуть уши.

Б

Барабанные перепонки его едва не лопнули — старуха испустила такой пронзительный, такой животный вопль, что казалось, он переполошит всех в этом здании. Она вскочила на ноги и забилась в угол; ему теперь трудно было ее видеть, она оказалась вне зоны его обзора.

Удары в дверь прекратились, во всяком случае, так ему показалось. В ушах звенело. Он посмотрел в сторону ниши, в которой скрылась девушка, но взгляд его наткнулся на нечто другое. Он увидел два новых лица. О которых и говорила девушка.

В изножье кровати появилась совсем юная девица, гораздо моложе стоящей возле двери. Не старше семнадцати, одета в черный джемпер. На шее висели большие фиолетовые наушники, от которых в карман джинсов тянулся провод. Она попыталась встать, но ноги подкосились, и девица снова скрылась из виду.

У молодого мужчины, возникшего чуть левее, получилось лучше. Он, кажется, еще не совсем пробудился, но, открыв глаза, сразу насторожился. На нем был белоснежный комбинезон. Кстати, с этикеткой, очень похожей на ту, что у девушки. С какой-то надписью. Не разобравшись, слишком далеко. Он озирался скорее удивленно, чем в замешательстве. Увидел Шеппарда и молча уставился на него.

Значит, еще одна девушка, мужчина и женщина... а сколько их там всего, что говорила блондинка? Четверо? Одного не хватает. Пожилого, которого он видел, когда заглядывал за левый край кровати.

Из ниши вышла блондинка. Вид у нее был унылый, крайне расстроенный и вдобавок испуганный.

Крикунья-старуха тоже ее увидела: она ринулась к девушке со всех ног, на бегу огибая кровать, что было, пожалуй, несколько безрассудно для человека в таком иступлении. Молодая девица метнулась в сторону, чтобы не сбили, и Шеппард увидел, как она юркнула под стол и охватила руками колени. Хороший, конечно, способ защиты, но, по большому счету, бесполезный.

Черноволосая схватила блондинку за обе руки, принялась трясти и наконец-то перестала орать, перешла на членораздельную речь:

— Где мы? Это что, началось? Последствия... кара? Я все должна претерпеть.

После чего оттолкнула девушку, скрылась в нише, и раздался громкий удар, словно она с размаху врезалась в дверь.

Отброшенная старухой блондинка потеряла равновесие, упала на молодого человека, тот, в свою очередь, опрокинулся и свалился еще на что-то или на кого-то. Оттуда, куда он упал, донеслось испуганное «Ой!».

Оба кое-как поднялись и отошли подальше от источника нового голоса. Выглядели при этом так, словно перед начальством провинились. Сколько раз он наблюдал такие сконфуженные лица. Оба обогнули кровать и встали справа от нее, словно хотели прикрыться Шеппардом, как баррикадой, защищающей от неизвестной опасности.

Теперь блондинка стояла близко, и Шеппард разглядел стикер у нее на груди, — похоже, у них у всех были

такие же стикеры. Белые с красной полосой сверху — подобные стикеры используют на работе для формирования слаженного коллектива.

Поверх красной полосы было написано: «ЗДРАВСТВУЙТЕ, МЕНЯ ЗОВУТ...»

А дальше черным по белому кое-как нацарапано имя: «Аманда».

Шеппард посмотрел на стикер и тут же невольно опустил голову и взглянул себе на грудь. Он в первый раз оглядел себя с минуты пробуждения и слегка удивился, обнаружив, что на нем — белая рубашка. Да-да, классическая мужская рубашка, а на груди — точно такой же стикер.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, МЕНЯ ЗОВУТ... Морган».

«Какого черта?» — пронеслась в голове очень свежая мысль.

Он снова поднял голову. Блондинка, которая Аманда, тоже изучала стикеры, сначала — свой, а потом они с Шеппардом одновременно посмотрели на грудь молодого человека.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, МЕНЯ ЗОВУТ... Райан».

— Все правильно? — спросил Шеппард и кивнул на стикер.

— Да, — ответила она. — Откуда они знают, как меня зовут?

— Аманда?

— Да. Но все зовут меня Мэнди. Мэнди Филлипс.

— Ага, — отозвался Шеппард. — А ты, значит, Райан Куинн. — Он кивнул на молодого человека; на спортивном, ну да, на этом его спортивном костюме стикер смотрелся довольно нелепо.

— Морган Шеппард, — представился Шеппард, но Райан уже кивнул.

— Я знаю. Я видел вас по...

— Почему заперта дверь? — перебила его Мэнди — и слава богу. — Это что, типа все в реале?

— Что? — спросил Шеппард. — Что в реале?

В принципе, все, что происходит, — в реале.

Как бы ни было ему плохо, он снова чуть не рассмеялся. Но Мэнди имела в виду реалити-шоу, и сам он не о том ли подумал тоже? А потом в голове что-то щелкнуло, до него дошло. Дошло, почему она затихла, когда поняла, кто он такой.

— А где же камеры? — спросила она, озираясь.

Он нахмурился, а Райан повернулся к Аманде, не вполне ее понимая. Мэнди решила, что все это некий прикол. Его телестудия и правда порядочный гадюшник, тут и говорить нечего, но даже они вряд ли опустили бы до похищения людей и использования психотропной дряни.

— Мне очень жаль, Аманда... Мэнди... но все это не «в реале», а просто реально. Я тоже недавно очнулся здесь, как и ты.

Они живут в эпоху, когда все реалити-шоу — сплошная постановка. Почему и сейчас не поверить в скрытую камеру? Но здесь все реально. Он нутром чуял. Шеппард поймал пристальный взгляд Мэнди и понял: она тоже понимает, честное слово. Она все видит, просто не хочет верить.

Ее улыбка увяла.

— Нет...

Он снова сейчас ее потеряет. А она ему нужна. Она, и Райан тоже. Он прикован, двигаться не может, значит они должны стать его глазами.

— Послушай, Мэнди. И ты, Райан, тоже. Мне нужно, чтобы вы сохраняли спокойствие. И постарались успо-

коить остальных. И еще вам надо подумать, как освободить меня от этих штуковин.

Он кивнул на наручники. Руки его уже почти онемели, а заодно и все тело.

— Нужен ключ, — сказала Мэнди.

— Да, ключ. Поищи, может, где-нибудь найдешь.

Сам он, пролеживая бока, ничего не отыщет. Кто бы ни приковал его, он сделал это не просто так. Не просто... Стоп. Еще один вопрос. Еще один большой вопрос. Почему прикован только он? Сковали известного на всю страну парня... и больше никого?

Обойдя Райана, Мэнди начала поиски. Но Райан не шевельнулся. Все смотрел на Шеппарда, будто пытаясь разгадать загадку. Впрочем, он казался спокойным, и это хорошо.

Словно подавая пример, как нужно действовать, перед ними возникла женщина с длинными черными волосами. И тут же снова ринулась в нишу. Раздался глухой удар. Да она же покалечится, ей-богу.

— Просить прощения не достаточно? — Голос ее дрожал. — Это же ад! Настоящий ад!

Шеппард был другого мнения. Какой это ад? Ад — это не место. Ад внутри тебя, глубоко внутри. Он-то давно это понял.

— Это ад, ад, ад! — завывала женщина, и это было похоже на заунывное песнопение. — И вы здесь, все вы со мной в аду. Ну почему так бывает, кто мне скажет?

Она снова всем телом шмякнулась о дверь и захихикала. Сумасшедшая. Их заперли с сумасшедшей.

Шеппард снова посмотрел на Райана. Видно было, что в душе у него кипит борьба, и чем дольше она кипит, не находя выхода, тем хуже.

— Райан.

Тот даже вздрогнул, услышав свое имя.

Райан наклонился к Шеппарду.

— Мне надо вам кое-что сообщить, — прошептал он ему на ухо.

Райан откашлялся. Оба некоторое время смотрели друг на друга, не издавая ни звука. Потом одновременно повернули головы и увидели старика: держась за стену и за кровать, тот пытался подняться с пола. В конце концов ему это удалось, и лицо его исполнилось гнева.

— Черт побери, что тут творится?

Шеппард не увидел, но почувствовал, как Райан отшагнул назад.

— Кто-нибудь... может ответить мне? Немедленно!

Выглядел человек изящно, в старомодном смысле, одет он был в серый костюм с неярким галстуком. Его темнокожее, обветренное лицо, украшенное жиденькой бородкой клинышком, говорило о житейской мудрости. Волосы черные, скорее всего крашенные, сквозь которые пробивались седые пряди. Круглые очки слегка съехали набок, на лице, казалось, навеки застыла угрюмая маска. На груди, над левым карманом, красовался стикер: «ЗДРАВСТВУЙТЕ, МЕНЯ ЗОВУТ... Алан».

Все взгляды обратились к нему. Мэнди прекратила поиски. Даже девчушка, сидевшая под столом, уставилась на него круглыми глазами. Этот человек приковывал к себе внимание.

— Я... Я...

Даже Шеппард почувствовал, что сейчас надо «уступить территорию». Делал он это нечасто. Обычно строил из себя лидера, перед кем бы ни оказался. Но компромиссная позиция...

— Куда вы все смотрите? — рявкнул Алан и опустил голову. — Что-о?

Он сорвал с себя стикер и скомкал его. Разгладил место, где тот висел.

— Сюда нельзя ничего приклеивать. Останется пятно, черт побери!

Он швырнул смятый стикер в угол и снова огляделся.

— Ну?

Шеппард решил, что с ним надо быть откровенным.

— Я не знаю, что здесь творится.

— Вы не знаете? — спросил Алан. — Вы не знаете? Ну конечно, откуда вам знать! Что это, очередное телешоу? Снова какая-нибудь чушь на четвертом канале? В общем, похоже на то, что вас засунули не в ту задницу. Я адвокат, вы поняли, идиот? Я знаю свои права, а также права каждого в этой комнате. Оглянитесь вокруг. Вам в лицо смотрят пять судебных исков.

— На этот раз, — с досадой сказал Шеппард, — тут не телевизионная программа.

— Ну да, конечно. — Алан посмотрел в потолок. — Я немедленно желаю выйти отсюда. И еще я желаю знать имя каждого участника этой комедии.

Никто не отозвался, и Алан снова шагнул к Шеппарду.

— В отличие от вас, я человек дела. И все дела у меня нешуточные. Например... — Он взглянул на свои дорогие часы. — Боже милостивый, дело Макартура! К двум часам я должен быть в Саутуорке!

Равнодушный взгляд Шеппарда, кажется, окончательно разозлил Алана. Все остальные притихли, никому не хотелось обрушить на себя гнев этого человека.

— Самое большое дело во всей моей карьере, а вы засадили меня сюда! Ну что ж, когда я выйду отсюда, вы на собственной шкуре почувствуете, насколько суров закон. И я говорю не про вашу студию и не про вашу компанию. Я говорю о вас, Шеппард. О вас лично.

Алан чеканил слова, подкрепляя их резкими жестами.

Несогласие, одержимость, подозрение, гнев, а также — Шеппард видел это, скосив глаза, — обычное осуждение. Девчушка, на стикере которой ничего не разобрать без очков, смотрела на Алана, снимая наушники с шеи и надевая на голову. Шеппард вдруг остро ощутил некое с нею родство, а она тем временем залезла под стол, да поглубже, словно собираясь там исчезнуть.

— Мне очень жаль, — сказал Шеппард, сам не зная зачем.

— Абсурд! Полный абсурд!

Рядом с Шеппардом кто-то зашевелился. Алан, казалось, тоже был сбит с толку и расстроен. Шеппард осмотрелся вокруг. А, это Райан пробирается к окну. Шеппард сразу понял, что тот намеревается делать. Райан крепко вцепился в шторы и резким движением раздвинул их.

В комнату ворвался ослепительный солнечный свет, даже глазам стало больно. После относительного мрака это оказалось даже слишком. Шеппард моргнул раз и два, стараясь избавиться от радужных пятен перед глазами. И посмотрел на окно, выходящее на улицу. За окном виднелись дома. Высокие и стройные. Они уходили ввысь. Здания были ему знакомы, в голове эта картинка засела прочно. Перед ним — центр Лондона. Но почему-то ему показалось, что здесь что-то не так. Почему же?..

И он вспомнил.

Макджордж К.

М 15 Угадай кто : роман / Крис Макджордж ; пер. с англ. В. Яковлевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-15254-0

Телеведущий программы «Сыщик-резидент», любитель хорошо поработать и хорошо отдохнуть, Морган Шепард просыпается с похмелья и обнаруживает, что прикован наручниками к кровати в незнакомом гостиничном номере. Последнее, что помнит Шепард: он был в Париже с прекрасной француженкой и собирался заняться с нею любовью, но она выбежала за льдом для шампанского, а он... он очнулся в другом месте. В другой гостинице. И, судя по виду из окна, — в другом городе. К тому же Шепард здесь не один — с ним в номере несколько человек, которые тоже не понимают, как сюда попали. Ситуация становится еще более абсурдной и пугающей, когда в ванной кто-то из них натывается на труп. Тут включается телевизор, и неизвестный в маске лошади сообщает с экрана, что у Шепарда есть только три часа, чтобы раскрыть убийство, иначе отель, в котором все они находятся, взлетит на воздух...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КРИС МАКДЖОРДЖ
УГАДАЙ КТО

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Юлиана Лебединская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.09.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 26. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-RBD-23632-01-R